

Артюр Рембо Озарения
Arthur Rimbaud Illuminations

перевод Е.Ю.ШЕШИНА

После Потопа

Как только сошла на нет идея Потопа,
заяц в зарослях замер люцерны и колокольчиков движимых ветром, к радуге
сквозь паутину молитву свою обратил.

О! драгоценные камни, что прятались (в травах), – цветы, что раскрылись
уже.

На грязной улице выросли, как грибы, столики торговцев, лодки тащили к
морю, вздымавшемуся, как на гравюрах,

Во владеньях Синей Бороды текла кровь, – на бойнях, – под сводами цирков,
где окна отмечены были бледной печатью Бога. Кровь и млеко текли.

Трудились бобры. В кафе пар шёл от высоких стаканов с
«мазаграном».

В просторном доме, чьи стекла струились ещё, дети в траурных платьях
разглядывали чудесные картинки.

Хлопнула дверь – и на деревенской площади ребёнок руки свои устремил
к слепящему ливню, неся собранные отовсюду флюгера и петухов с
колоколен.

Мадам*** в Альпах поставила фортепиано. Мессу служили и первые
славословили причастия у ста тысяч алтарей собора.

Отправлялись в путь караваны. И Великолепный ОТЕЛЬ был возведён в
хаосе льдов и ночи полярной.

С той поры Луна внимала вою шакалов в заросших чабрецом пустошах, –
и эклогам в сабо, поскрипывающим в саду. Потом, в фиалковой чаще,
среди набухающих почек, Эухарис сказала мне, что пришла весна.

– Пруд, забей, словно ключ, – вспенясь, хлынь через мост и над лесами
волны свои кати; – чёрные простыни и органы, молнии и гром, –
взметнитесь и прокатитесь; – Воды и печали, поднимайтесь и пробуждайте
Потопы.

Ведь с той поры, как они сошли на нет, – о, драгоценные камни,
прячущиеся в травах и раскрывшиеся цветы! – настала скука! и Королева,
Колдунья, что дует на угли в глиняном горшке, никогда не пожелает
рассказать нам то, что знает она, и что мы не замечаем.

Детство

I

Этот идол, черноглазый, златогривый, сирота, ни кола – ни двора, он возвышенной сказки – мексиканской, фламадской; его владенья, лазурь и зелень, дерзко бегут по взморьям, которым волны, не знавшие кораблей, дали свирепые имена – греческие, славянские, кельтские.

На опушке лесной – цветы грёзы, вспыхнув, сияют, звенят, – девочка, оранжевы губы её, сжаты колени в потоке света, льющемся с лугов, наготу осеняют, пронзают, скрывают травы, радуги, море.

Дамы кружатся на террасах у моря; инфанты и великанши, чернокожие красавицы в медно-зелёный одетые мох, драгоценные камни на оттаявшем дрожат чернозёме цветников и садов, – юные матери, старшие сёстры, их взгляды полны дальних странствий, султанши, принцесс сумасбродны наряды и властны шаги, чужестранки и те, кто страдает безмолвно.

Какая скука – час «милого тела» и «милого сердца»!

II

Там, где розы растут – там она, малютка, мертва – юная мама, она умерла, сходит с крыльца. – скрипит по песку коляска кузена. – младший брат (он в Индии!) – там, к закату лицом, на лугу среди гвоздик. – Стариков схоронили рядом за крепостной стеной, поросшей левкоем.

Дом генерала в осаде листвы золотой. Семейство на юге. – Дорбгой заката дойдёшь до корчмы опустевшей. Замок продают; ставни сняли, – кюре, вероятно, унёс ключ от церкви, – сторожки вокруг парка безлюдны. Ограды так высоки – лишь шумные кроны видишь над ними. Впрочем, там и смотреть-то не на что.

Луга к деревням подступают – там не поют петухи, в кузницах тихо. Не работает плюз. О, придорожные могилы, заброшенные мельницы, острова и стога!

Волшебные гудели цветы. Склоны качали его. Сказочной красоты животные сновали вокруг. Грозовые тучи собирались над волнуемым морем горячих, вечность льющихся слёз.

III

Есть птица в лесу – слышав её, вы стоите, краснея.

Есть часы – они никогда не звонят.

Есть нора – там белые копошатся зверьки.

Есть собор, он клонится дблу и озеро устремлённое ввысь.

Есть повозка, брошенная в лесу, или вот она вниз по дорожке, вся в лентах, проносится мимо.

Есть шайка бродяг-комедьянтов в костюмах своих шутовских – меж стволов их фигуры видны на дороге лесной.

Есть, наконец, тот, кто прогонит тебя, когда ты голоден и мучим жаждой.

IV

Я святой , на террасе молящийся , – мирно пасутся стада повсюду до Палестинского моря .

Я учёный в сумрачном кресле . В окно библиотеки хлещет дождь , ветки стучат .

Я путник , по дороге бредущий в лесу низкорослом ; шум от шлюзов мои заглушает шаги . Я часами смотрю , как печально полощет закат своё золотое бельё .

Я охотно стал бы ребёнком , забытым на пирсе далеко выступающем в море , или слугой , что идёт по аллее , лбом касаясь небес .

С трудом проходимые тропы . Невысокие эти холмы покрываются дроком . Ни ветерка . Как далеко птицы и родники ! Продвигаясь вперёд , вскоре , наверно , придёшь на край света .

V

Кто бы мне сдал , наконец , эту могилу , всю белую от извёстки , с надгробья рельефными строчками , – поглубже под землёй .

Локтями упершись в стол под яркою лампой , – взялся я , идиот , перечитывать вчерашние газеты и тоску наводящие книги .

Наверху , над моим подземным салоном в землю врастают дома , стелятся туманы . Грязь либо красна , либо черна . Город-монстр , ночь без конца !

Чуть ниже – сточные трубы . По бокам – ничего , кроме толщи земной . Быть может , – бездны лазурные , колодцы огня ? Возможно , именно здесь встречаются луны и кометы , моря и сказки .

Когда проходят часы , разъедая горечью душу , передо мной словно плывут шары из сапфира , из металла . Я – властелин тишины . Почему бы под сумрачным сводом подвала не забрезжить подобью окна .

Сказка

Некий принц бывал раздосадован оттого , что ему всё время приходилось лишь совершенствовать проявления пошлого великодушия . Потрясающие революции любви предвидел он и подозревал , что женщины его наделены чем-то большим , чем эта способность угождать , расцвеченная небесами и роскошью . Истину возжелал он узреть , когда пробьёт час эссенциальных желания и удовлетворения . Он хотел (этого) , хотя бы это была лишь аберрация благочестия . По крайней мере , он обладал достаточно широкими возможностями среди людей .

Все женщины , которые знали его , были убиты : сад красоты разорённый ! Они благословляли его , дрожа под клинком занесённым . Он не требовал новых женщин . – Но они появлялись .

Он убивал всех , кто следовал за ним , после охоты или возлияний .– Все продолжали идти за ним .

Развлекаясь , ножом вспарывал он горло , диковинных убивая животных . Поджигал дворцы . Бросался на людей и на куски их искромсывал .–Толпа людская , крыши (дворцов) из золота , прекрасные животные не исчезали .

Возможно ли доводить себя до экстаза разрушая , делать себя моложе изуверством ! От народа– ни шопоту , ни ропоту . Никто не выказывал желания содействовать его взглядам .

Однажды вечером он скакал , гордо вскинув голову . Гений предстал перед ним невыразимой , даже непроизносимой красоты . Лик его и осанка как бы расточали обещанье многообразной и многосложной любви ! счастья несказанного , даже непереносимого ! Принц и Гений вероятно превратились в ничто в сущем безболии . Как могли они не умереть ? И так , оба они умерли .

Но принц опочил в своём дворце , в обычном (для этого) возрасте . Принц был Гением . Гений был Принцем .

Искусной музыки не хватает желанию нашему .

Зазывалы(Парад)

Дюжие , и весьма , плутяги-то . Иные (из них) поимели неплохо вас . Походя , без особой нужды , почти не прилагая усилий к тому , чтобы обнаружить блестящие свои способности и знание вашей души . Каковы ловчицы ! С глазами , на манер летней ночи , словно туманом подёрнутыми , красными и чёрными , трёхцветными , из стали с вкрапленьями звёзд золотых ; искажённые лица , свинцовые , бледные , словно огнём обожжённые ; шуточки с хрипотцой ! Демарш отщепенцев в бутафорных одеждах от которого жутко становится ! – Есть и юнцы ,– как они Керубино встречали бы ? – всегда наготове (у них) берущие на испуг голоса и ещё пострашнее ресурсы . Разодетых с отвращеньем вызывающим шиком , выпускают их в город , чтобы лоску набрались .

О , самый что ни есть неистовый Парадиз лиц , искажённых гримасою ярости ! Никакого сравнения с вашими Факирами и с прочими буффоннадами . В костюмах своих самодельных , словно из кошмара возникших , изображают они на жалость давящие сцены , трагедии из жизни бродяг и духовных полу-богов , которых никогда не было ни в истории , ни в религиях . Китайцы , Готтентоты , цыгане , простофили , гиены , Молохи , выжившие из ума старики , мрачные демоны ,– они смешивают просторечные обороты , которые с молоком матери , с позами и ласками животных . Они по-своему интерпретируют новейшие пьесы и песенки « хороших девочек » . Мастера жонглировать чем бы то ни было , преобразуют они и место , и персонажей , пользуясь всюю магнетизмы комедии . Глаза излучают огонь , кровь поёт , кости вширь раздаются , слёзы и красные струйки текут (по щекам) . Шутки их и страх , который они вызывают , длится минуту , а то и месяцами .

Я один ключом обладаю от этого балаганчика дикого .

Антик

Благословенный сын Пана! Вкруг чела твоего, под венком полевых цветочков и диких ягод, самоцветами оживают глаза. Темных смазанных линий узор на впавших щеках. Твои клыки блестят. Твоя грудь похожа на кифару, звонами исходит она в твоих словно мраморных руках. Твоё сердце бьётся в сём чреве, где дремлет слиянье двух полов. Ночью пройдишь-ка, едва шевеля то одним бедром, то другим, и левой ногой.

Being Beautiful

Сама Красота реет среди снегов. Дыхание смерти и тихой музыки волны, расходясь кругами, возносятся, делая огромным и зыбким, словно призрак, это обожаемое тело; раны чернеют запекшейся кровью, расцветают, взрывая безупречную плоть. Основные жизни цвета вовлечены в работу – они густеют, танцуют вокруг видения, тают. И нарастающий трепет грохочет, и привкус этих явлений, словно зверь разъярённый, питаясь хрипом агоний и осипшею музыкой, которую мир, далеко у нас за спиной, бросает нашей матери вся красота, – этот зверь отступает, встаёт на дыбы.

О! Наши бранные кости облачились в новое тело, алчущее любви.

* * *

О, пепельный лик, щит герба, конской увенчанный гривой, хрустальные руки! Пушка, на которую должно мне пасть в этой схватке жестокой деревьев и лёгких воздушных!

Жизни

I

О, Земли Обетованной дороги без конца и без края, храма террасы! Где тот брамин, притчи мне толковавший? Оттуда, с той поры и поныне, вижу я тех старух! Припоминаю солнца часы и часы серебра рек невдалеке, руку полей на моём плече, и ласк наших во весь рост среди прятных этих равнин. – Мысли моя вокруг алых лёт голубей громом грохочет. – Здесь-то, изгнанный, я и обрёл сцену, дабы играть литератур всевозможных драматические шедевры. Я бы вам перстом указал на неслыханные богатства. Чту историю кладов, найденных вами. Предвижу последствия! Мудрости моей сторонятся, словно хабса, губы презрительно сжав. Но что есть моё ничтожество в сравнении с тем столбняком, что вас ожидает?

II

Изобретатель , достойный большего , чем все те , кто предшествовал ; музыкант , нашедший ключ любви , или нечто подобное , нынче я , терпких полей дворянин пред ликом строгим небес , воспоминаньями душу свою растревожить не в силах : нищее детство , года в подмастерьях , или вот в жизнь выхожу на каком-то вокзале в деревянных своих башмаках , жаркие споры , раз пять или шесть становился вдовцом и несколько свадеб сыграл , и всё неуступчивый нрав мне мешал стать своим в кругу сотоварищей тесном . И не жаль мне утраченной доли моей в веселье божественном : воздух этих полей своей трезвостью терпкой питает беспощадный мой скептицизм . Но поскольку сей скептицизм теперь не заставишь работать , да и я , впрочем , новой тревоге себя посвятил , – так вот и жду , когда сделаюсь мрачным безумцем .

III

На чердаке , став затворником двенадцати лет , я познал мир и прославил человеческую комедию . В подвале изучил историю . В одном северном городе , празднеств ночных став участником , всех встретил женщин , сошедших с полотен старинных . Под сенью пассажа в Париже классическим обучался наукам . В обители , сверкающей над всем великолепьем Востока , закончил свой труд необъятный и провёл остаток дней в лучах заслуженной славы . Кровь свою взбаламутил . О долге своём не забыл . Даже не стоит об этом и думать . Я ведь всам-деле на том свете и за спичками меня не послать .

Отправление

Насмотрелся . Виденье повсюду являлось снова и снова . Наслушался . Шум городов , вечером , и под солнцем , всегда .

Сыт по горло наукой . Полустанки жизни . – О , неясные Звуки , Видения смутные !

Поезд отходит , когда снова от нежности нечем дышать , и снова в шум неизвестности !

Царствование

В одно прекрасное утро , в той стране , где прекроткий обитает народ , мужчина и женщина , оба великолепны , огласили криками площадь : « Друзья , я хочу , чтоб она была королевой ! » « Я хочу быть королевой ! » Она смеялась и вздрагивала . Он говорил друзьям об откровении

свыше , о законченном испытании . Прижимаясь друг к другу , испытывали головокруженье от нежности .

В самом деле , они были королём и королевою всё утро , которым карминные шелка над домами плескались , и весь этот день до самого вечера , которым они удалились к пальмовым по направлению садам .

К Разуму

Барабана задев своим пальцем кожу тугую , изверженья созвучий ты вызываешь , гармонии новой начало .

Сделаешь шаг , и новые люди для марша восстанут .

Поворот головы : новая любовь !

Поворот головы : новая любовь !

«Жребий , выпавший нам , измени , беды отсей , со временем начиная » , - тебе эти дети поют .

« наших судеб и желаний наших самую суть неважно куда подыми » , - тебя просят .

Прибытие в любую минуту , того , кто проходит повсюду .

Утро опьянения

О , моё Благо ! О , моя Красота ! Фанфарою мучим жестокой , не оступившись ни разу ! Сказочная дыба ! Ура творенью , - о котором доселе никто и не слыхивал , - и восхищенья достойному телу , - впервые ! А начиналось оно встречаемо взрывами детского смеха , ими оно и закончится . Яд же сей в наших венах останется даже тогда , - фанfare пора закругляться , - когда мы к дисгармонии древней будем возвращены .

А теперь эти пытки , - так нам и надо ! восстановим с усердием сверхчеловеческое обещание это , данное нашему телу и нашей душе , что созданы были : обещание это , слабоумие это ! Элегантность во внешности и поведении , пытливое изучение , грубое принуждение ! Нам обещали во мраке похоронить древо добра и зла , в ссылку навечно отправить тиранившие нас благоприличия , с тем , чтобы мы в обычай ввели нашу чистейшую любовь . А начиналось это взрывами рвоты и кончается , - нам эту вечность нахрапом не взять , - кончается это словно с привязи сорвавшихся ароматов стремительным бегством .

Детский смех , молчанье рабов , девственниц строгость , омерзенье от здешних фигур и предметов , будьте вы прокляты памятью о бдении этом . Это начиналось со всей непристойностью , и вот кончается это ангелами изо льда и пламени .

Во хмелю пролетевшее бденьице , свято ! хотя бы и было оно лишь для прикрытия под маской дарованной . Метод , мы утверждаем тебя ! Не забудем о том , что вчерась ты прославил кажинный век наш .

Веруем в яд сей . Готовы и жизнь нашу всю без остатка отдать
каждодневно .

Вот и (наступают) времена Ассасинов .

Фразы

Когда сведён лишь к одному чернеющему лесу будет мир- для наших
четырёх глядящих с удивленьем глаз,- лишь к берегу песчаному - для
двух детей , ещё друг дружку не предавших,- к шкатулке музыкальной
лишь одной для нашей светлой близости ,- тогда я Вас найду .

О , хоть бы здесь остался лишь старик ,- красивый , величавый ,
-окружённый « неслыханною роскошью » , -и я у Ваших ног .

О , хоть бы я воспоминания все Ваши претворил ,- и стал бы тем , кто
Вас к себе сумел бы привязать жгутами , - я задушу Вас .

~~~~~

Когда сильны мы , - отступает кто ж ? А веселы когда - что с нас
возьмёшь ? А зло когда творим , кому мы предстоим .

Наряжайтесь , танцуйте , смейтесь ,- я не смогу вовек Любовь прогнать
через окно .

~~~~~

-Моя подружка , нищенка , ну сущий монстр , дитя ! Тебе ведь всё равно , что
я с моим смущеньем , что все эти страдальцы , уловки . Себя к нам
привяжи ты странным голосом своим , твой голос ! Один лишь он ещё
ласкает душу в этом отчаяньи презренном .

Облачное утро , в июле . Привкус золы в воздухе ; - запах влажных поленьев
, словно подтом исходящих , в огне очага ,- мокрые цветы ,- развороченные
променадов аллеи ,- изморось водою наполненных рвов вдоль полей -
почему бы уже не начать доставать елочные игрушки и ладанки ?

х х х

Верёвочками стянул я колокольни ; от окна к окну пустил гирлянды ; цепи
золотые - от звезды к звезде , и - танцую .

х х х

Пруд , водой после дождя переполненный , всё дымится . Кто та колдунья ,
что встанет над закатом белёным ? Что за листва , цвета фиалки лесной ,
опадёт ?

х х х

Покуда в празднествах братства всеобщего как вода утекают публичные фонды, колокол розового огня звонит в облаках.

х х х

Оживляя приятную склонность к китайским чернилам, черной пудрою мелкой нежно так моросит над моею бессонницей. Люстры огни пригасив, бросаюсь я на кровать и, повернувшись в сторону тьмы, вижу вас, дщери мои, мои царицы!

Рабочие

О, жаркое февральское утро! Не ко времени югом повеяло, наши разбудив воспоминанья нелепых оборванцев, оживив нашу нищенку-юность.

На Энрике была хлопчатная юбка в коричнево-белую клетку, которую следовало бы носить в прошлом веке, чепец с лентами и шелковый шейный платок. Наряд печальнее траура. Мы гуляли в предместье. Небо обложилось и этот ветер с юга разорённых садов и иссохших лугов прель будоражил.

Жену это беспокоило, видимо, меньше, чем меня. Забравшись довольно высоко по тропинке, она показала мне мелких рыбёшек в луже, оставшейся после наводнения прошлого месяца.

Город, с его дымом и шумом, ремёсел различных орудьями производимом, следовал за нами весьма долго на наших путях. О, другой мир, приют, небом и сенью дерев благословенный! Юг вызывал в памяти достойные сожаления превратности моего детства, летние приступы отчаянья, чудовищное скопление силы и знаний, которое судьба моя от меня всегда отводила. Нет! Не проведём мы лето в этой скряге-стране, где мы так навсегда и останемся помолвленными сиротами. Я не хочу, чтобы огрубевшая эта рука с силой тащила за собой милый образ.

Мосты

Серого цвета хрустальные небеса.

Причудливый рисунок мостов, — то прямых, то полукружьями выгнутых, то нисходящих, то вкось под углами идущих по отношению к первым, и эти фигуры, обновляясь в обводах канала, становятся столь лёгкими и удлинёнными, что отягощённые соборами берега проседают и уменьшаются. Некоторые из этих мостов ещё и лачуги несут на себе.

Другие обрастают мачтами , сигнальными вышками , хрупкими парашютами . Минорные аккорды скрепляются в воздухе и текут , как вода , струнных созвучья ввысь уплывают от берегов . Замечаешь там красную куртку , другие костюмы , или – как посверкивают инструменты оркестра . Простолюдинов ли арии , синьоров концерты , или гулянья в саду городском ? Вода , серая и голубая , широка , словно моря рукав . – Белый луч , падая с неба , в ничто превращает комедию эту .

Город

Я – эфемерный и совсем не брюзгливый гражданин метрополии , считавшейся современной , поскольку как во внутреннем убранстве , так и в экстерьере домов , и даже в самом плане города искусно и как бы играючи удалось избежать хоть чего-то , что было бы отмечено вкусом . Здесь вам не придётся кричать от радости , обнаружив следы хоть какого-нибудь памятника предрассудкам . Мораль и язык сведены к их самым простым выражениям , наконец-то ! Эти миллионы людей , которым нет нужды даже знать друг друга , живут столь одинаково , – ученье , ремесло , старость , – что сама продолжительность этой жизни должна быть во много раз меньше той , которую обнаруживает безумная статистика для народов континента . Также как , из своего окна , я вижу лишь призраков новых , валом валящих сквозь густой и вечный дым сжигаемого угля , – наш сумрак лесов , наша летняя ночь ! – новых Эриний , перед моим коттеджем , который и есть моя родина и всё сердце моё , ведь всё здесь подобно этому : Смерть без слёз , деятельная наша дева и служанка , Любовь , всякой надежды лишённая , и прелестное Преступление , скулящее в уличной грязи .

Колеи

Справа , в этом уголке парка , летняя заря пробуждает и чуткие листья , и остывшей земли испаренья , и неясные звуки ; слева склоны своей фиолетовой тени держат ещё под покровом влажной дороги тысячами разбежавшиеся колеи . Феерий дефиле . В самом деле : колесницы , в которых и деревянные позолотой покрытые звери , мачты и цветистые паруса , двадцать на полном скаку цирковых лошадей в яблоках , и дети , и взрослые , оседлавшие диковинных животных , двадцать экипажей в праздничном уборе с цветами и флагами , с обронным узором , словно старинные или сказочные кареты , с детьми , наряженными для пригородной пасторали . – И даже гробы под балдахинами ночи , взметнувшие эбеновые островерхие свои столпы , рысью бегущих кобыл влекомые , голубых и черных , как смоль .

Города(І)

Официальный акрополь выше колоссальнейших дикости модёрновой концепций . Словами передать невозможно матовый свет небом неизменно

серым рождённый, зданий царственный блеск и вечный снег мостовых. С чрезвычайным, чудовищным в своей грандиозности размахом, здесь воспроизведены все классические дивности архитектуры. Я посещаю выставки живописи, которые места занимают в двадцать раз больше Хемптон Корта. Какая живопись! Норвежский Навуходоносор велел возвести министерские лестницы; субалтерны, которых мог я лицезреть, будут уж надменной браманов*, а при виде блюстителей колоссов и строительства служащих я трепетал. Запили кучера – поскольку в результате группирования зданий квадратами закрылись дворы и террасы. Парки воспроизводят первобытную природу обработанную с высоким искусством. В Вышгороде есть участки, которые объяснить невозможно: моря рукав свободный от судов зыбь свою катит градовой крупы синью меж каменных берегов с их гигантскими канделябрами. Короткий мост ведёт к потерне, той, что сразу под куполом церкви Сент-Шапель. Этот купол – искусно сделанная стальная арматура в диаметре составляет приблизительно пятнадцать тысяч футов.

С нескольких точек, – с мостиков пешеходных переходов из меди, с площадок и лестниц по контурам зал и колонн, – думал я, что смогу оценить глубину города! Сие есть чудо, о котором себе дать отчёт я был не способен: каковы суть уровни остальных кварталов над и под акрополем? Для чужестранца нашего времени рекогносцировка невозможна. Торговый квартал представляет собой circus с аркадами галерей в едином стиле. Бутыков не видно, а снег на мостовой притоптан однако; какие-то набобы, – столь же редкие, как в Лондоне воскресным утром прохожие, – направляются к бриллиантовому дилижансу. Какие-то красные диваны из велюра: подают популярные напитки, цена которых варьируется от восьмисот до восьми тысяч рупий. На мысль о том, чтобы поискать театры в этом circus'e, отвечаю себе, что бутыки должны хранить достаточно мрачные драмы. Думаю, что полиция есть; но закон, видимо, столь необычен, что я отказываюсь представить себе здешних авантюристов.

Предместье, в элегантности своей сравнимое с прелестной парижской улочкой, словно в фаворе купается в воздухе светлом. Демократический элемент насчитывает несколько сотен душ. Ещё там дома не следуют друг за другом; предместье странным образом теряется в полях, в «Графстве», которое заполняет вечный запад лесов и плантаций чудесных, где в диком состоянии пребывающие джентльмены гонят прочь свои семейные хроники, светом, что создан был, озарённые.

Бродяги

Горемычный брат! Сколькими обязан ему ночами изуверски-бессонными! «Взялся не больно-то рьяно я за это дельце. Надсмехался над уродством его. Из-за меня не иначе нам опять возвращаться в изгнание, в рабство». Неудачу приписывал мне и наивность весьма, впрочем, странные, и всё множил резоны свои, тревогу (во мне) вызывая.

Я ж со смехом отвечивал сатанинскому учёному мужу и, в конце концов, до окна добирался. Создавал, над равниною пересекаемой

оркестрами дивной музыки , фантомы будущей ночной роскоши .

После такого развлечения , в котором брезжило нечто гигиеническое , я растягивался на соломе набитом матрасе . И , почти каждую ночь , как только я засыпал , бедный брат восставал , с выгнувшим ртом , с кровавыми ранами вместо глаз , – такой , каким сам себе грезился ! – и тащил меня за собой в большую комнату , как резаный крича о мучившем его идиотском видении .

Было время , в действительности , взялся я добровольно , со всею искренностью , вернуть его к примитивному его состоянию сына солнца , – и мы скитались , вином каверн запивая дорожный сухарь , я стремленьем гонимый найти место и формулу .

Города

Это – города ! Это – народ , ради которого взметнулись сии Аппалачи и Ливаны мечты ! Шале из хрусталя и дерева , которые ходят по невидимым рельсам и шкивам . Древние кратеры , опоясанные колоссами и пальмами из меди , мелодичный исторгают рокот среди огней . Звоны празднеств , любви наполненных трепетом , плывут над каналами , подвешенными позади шале . Бешеный гон колокольный в ущельях . Корпорации гигантов поющих поспевают с хоругвями и в одеждах слепящих , подобно снежным вершинам . На платформах среди бездн ревущих , Роланды трубят о своей доблести . По крышам дворов постоялых и по над бездной протянувшимся переходам жар небес флагами полощется на мачтах . Апофеозов обрушение настигает горные поля , где серафические центаврессы расхаживают среди снежных лавин . Над уровнем самых высоких хребтов море вечным рождением Венеры волнуемое , волною орфеонической и гулом жемчужин и раковин драгоценных гнетомое , – море темнеет , время от времени вспышками гибель сулящими расцветая . На склонах мычат стога сжатых цветов , огромных как наши гербы и чаши . Кorteжи королей Маб , – в одеяньях желтоватых , опаловых , – поднимаются из овражин . Наверху олени , стоя в водопадах и зарослях ежевики , сосут груди Дианы . Вакханки предместий рыдают , а Луна пылает , взывает . Венера входит в пещеры кузнецов и отшельников . Струдившись , колокольни раззванивают мысли людские . Из замков , на костях воздвигнутых , доносится неведомая музыка . Всякие легенды эволюции свои производят , а лоси шарахаются по улочкам тесным . Гроз парадиз рушится с грохотом . Дикари , не переставая , пляски свои совершают на Празднике Ночи . И вот час наступил , когда я вниз по бульвару багдадскому увлекаем толпою , – где гуляющих компании радость нового труда воспели , овеваемы бризом как будто сгустившимся , – блуждая кругами и будучи не в силах уклониться от встречи с фантомами сказочными гор , тех самых , через которые путь свой найти надлежит .

Чьи добрые руки , в котором прекрасном часу , мне вернут этот край , откуда и сны мои и движенья мои наималейшие происходят ?

Стражи

I

Это покой , светом наполненный , ни жара , ни слабости , на кровати или на лугу .

Это друг , ни горяч , ни тот , кто ни холоден , ни горяч . Друг .

Это любимая , ни мучаема , ни приносящая мучения . Любимая .

Воздух и мир , которых никто не искал . Жизнь .

- Итак , было ли это ?

-И холодом веет грёза .

II

Древо здания вновь наполняется светом . Противоположные стены залы , какие-то украшения на них , гармонично ввысь устремлённые выступы , смыкаются . Стена перед тем , кому не до сна , есть некая психологическая последовательность своими сечениями представленных фриз , атмосферных образований и геологических событий . - Виденье , - стремительное , ярое , - группы сентиментальные всевозможных существ в среде всевозможных явлений .

III

Светильники и ковры стражи издают шум волн ночных вдоль бортов и за кормой .

Море стражи , как груди Амелии .

Обои до середины стены , заросли кружева изумрудного цвета , в которых бьются горлицы стражи .

.....

Чугунная пластина в чреве чёрном очага из настоящих сделана солнцескопических прибрежных : о , чародейств колодцы ; авроры один только взгляд , в этот раз .

Мистическое

По косогорью ангелы превращают свои из шерсти сотканные робы в сплетение трав изумрудных , стальных .

Лука объятые пламенем к вершине холма подбираются . Слева хребта невысокой гряды истоптаны земли всеми убийствами , битвами всеми , и все звуки , сулящие гибель , струятся оттуда .

Позади , справа , линия востоков , прогрессии солнц .

И в то время , как в верхней части картины оформилась полоса кружащегося и рвущегося ввысь гула раковин морских и ночей человеческих ,

Звёзд и неба и всего остального расцветшая нежность , словно корзина , спускается , склона напротив , прямо на нас и в голубую цветущую бездну внизу превращается .

Заря

Летнюю обнял зарю .

Ещё не проснулась дворцовая площадь . Вода была мертва . Тени ночные ещё не исчезли с дороги лесной . Я шёл , пробуждая дыханья живые и тёплые , и россыпи драгоценных камней глядели из травы , и крылья вздымались бесшумно .

На тропе , –уже наполненной искрящейся моросью , прохладой дохнувшей , – первая антреприза – цветок , назвавший мне своё имя .

Улыбулся водопаду , чьи белоснежные кудри сквозь пихты струились : как только серебром покрылась вершина , я увидел богиню .

Тогда , один за другим , я откинул покровы . Посреди аллеи , махая руками . На равнине , где я её обнаружил , когда петух прокричал . В городе она убегала , пропадая из виду среди куполов , колоколен , и , как нищий сбегая по мраморным плитам к реке , я её настигал .

Наверху , где кончалась дорога , рядом с лавровой рощей , я окутал её теми покровами и прикоснулся едва к её необъятному телу . Заря и дитя упали к подножию леса .

Когда проснулся – был полдень .

Цветы

С золотого уступа, – среди шёлковых лент, тончайших пепельно-серых покровов, зелёного бархата и дисков хрустальных, которые мало-помалу темнеют, подобно бронзе на солнце, – вижу как раскрывается дигиталис на ковре серебряной филигрании, глаз и волос.

Крупницы жёлтого золота рассыпаны по агату, колонны красного дерева, несущие измрудами сверкающий купол, белого букеты атласа и тонкие линии рубиновых лоз окружают озёрную розу.

Словно некое божество с огромными глазами синими и с формами снежными, море и небо влекут роз молодых и упругих к террасам мраморным толпы.

Вульгарный ноктюрн

Ветра порыв прорывает в стенах бреши оперных декораций, – как попало расшвыривает прогнившие крыши, плывшие вокруг некой оси, во все стороны кидает тлеющие россыпи очагов, – задувает витражи, словно лампы.

Пройдя вдоль виноградника и ногой опершись на загаргулину водостока, влезая в карету той стародавней эпохи, о которой убедительно говорят и выпуклые стёкла, и раздутые чрезмерно бока, и округлые формы сидений. Сна моего одинокой похоронной повозкой, шествия моего домом пастушьим сворачивает карета на газон большака, почти стершегося с лица земли: а в верхней, треснувшей, части стекла правого окна вращаются бледных лунных фигур очертанья, листья, груди, – черезчур уж сочная зелень и слишком густая синева наполняют картину. Лошадей распрягают невдалеке от жирным мазком нанесённого гравия.

– Свистом ли будут они вызывать здесь грозу и Содомы – а также Солимы, – полчища диких зверей и воинов вооружённых,

– (Возница и звери из снов найдут ли дорогу, заплутав в удушающих дебрях, чтобы до самых до глаз погрузить меня в шелк родника)

– И чтобы нас, посланцев, кнутами исхлёстанных, кинуть, воды бурные сквозь и разлитые вина, за лаем отрывистым псов колесить...

– Ветра порыв во все стороны ... тлеющие россыпи очага.

Морское

Колесницы из серебра и меди -
Кораблей носы из стали и серебра -
Взбивают пену ,-
Волнуют заросли плавней .
Ланд потоки ,
Отлива громадные рытвины
К востоку медленно движутся кругами ,
К колоннам леса ,-
К опорам дамбы ,
Наклон которой встречает удары
Вихрей света .

Зимний праздник

Шум водопада позади опереточных хижин . Брызжущие искр фонтанами
ракеты продлевают , в садах и аллеях рядом с Меандром , заката зелёные
и красные всполохи . Горация нимфы с причёсками времён Первой
Империи,- Сибирские Хороводы , Китайки Буше .

Мученье

Возможно ли , чтобы Она меня сподвигла к прощенью , когда безнадежно
разбиты амбиции снова мои ,- возможно ли , чтобы конец , в достатке
встреченный полном , века , в нужде проведенные , враз перекрыл бы ,- и
чтобы день триумфа убаюкивал нас в постели стыда фатальной немочи
нашей ?

(О , пальмовые ветви ! алмаз ! - Любовь , сила ! - всех наслаждений и
почестей выше ! - на любой вкус , повсюду ,-демон , бог ,- Юность того вон
субъекта : моя !)

Чтобы научной феерии сводки и движения общественного братства были лелеимы , как постепенное возвращение отнятой несправедливо первоначальной свободы ?

Но Вампирша , в язычников нас обращая , приказывает нам развлекать себя тем , что Она нам оставила , в противном же случае мы будем ещё нелепей

Кататься от ран по морю и по воздуху , от которого никнет всё живое , от пыток в тишине вод и воздухов губительных , от мучений , смеющихся в своей тишине , будто раздираемой волнами .

Метрополитен

От пролива цвета индиго к морям Оссиана , над оранжево-розовым песком , -который небо омыло , став как вино , - взмыли ввысь и тотчас накрыли друг друга крестообразно бульвары хрустальные , немедленно заселённые молодожёнов бедными семьями , которые в лавках фруктовых пополняют запасы свои. Ни следа роскоши. - Город!

От пустыни битума бегут во весь дух с простынями туманов эшелоны пугающей видом своим пехоты разгромленной , - к небесам , которые отступают пред ними и в смятении на землю нисходят чёрным дымом , самым , что ни есть зловещим , которым можно было бы в траур одеть Океан , каски , колёса , лодки , лошадиные крупы . - Баталия !

Голову подними : этот арочный мост деревянный , последние огороды Самарии ; эти маски , красками яркими вспыхнувшие под фонарём , исхлестанным ночью холодной ; ундина , в платье из шорохов сотканном , дурачится в низовье реки , эти излучающие свет черепа в зарослях гороха и другие фантазмагории - деревня .

По краям дорог - решётки железные , стены , едва сдерживающие кустов и деревьев напор , и жестокие цветы , которые мы бы назвали сердцами и сёстрами , Дамаск , от бессилья проклятьями сыплющий , - владения феерических аристократий - зарейнских , японских , гуаранийских , ещё способных слышать музыку древних , и харчевни , которым уже никогда не открыться , принцессы и , если ты не слишком устал , астральный этюд - небо . Утро , которым с Ней вы боролись среди искрящихся снегов , эти зелёные губы , льдины , знамена чёрные и голубые лучи , и ароматы пурпурные полярного солнца - сила твоя .

Первобытное

Когда не будет ни дней , ни времён , ни существ , ни стран ,
Знамя на древке сочащимся мясом кровавым над шёлком морей и полярных цветов ; (их не существует .)

Вновь из забвенья вернёт фанфары ушедших эпох героизма – которые атакуют ещё головы наши и наши сердца – вдали от ассасинов прошлого –
О! Знамя на древке сочащимся мясом кровавым над шёлком морей и полярных цветов; (их не существует.)

Услады!

Угли пожарищ ночных льющихся с неба на ветрах обжигающих льдинками, – Услады! – огни сквозь завесу дождя искрящегося алмазами ветра, из сердца земного исторгнутого и в уголь веками для нас превращённого, – О, мир! –

От убежищ забытых вдали и от давно отгоревших костров, которых слышен ещё треск и доносится запах,)

Угли и пена. Музы́ка, бездн поворот, столкновение льдин со звёздами.

О, Услады, о, мир, о, музы́ка! Там – плывущие формы, капли пота, волосы и глаза. И вскипающие, добелà нагретые слёзы, – о, услады! – голос женский во чреве вулканов и гротов арктических.

Знамя ...

Распродажа

На продажу всё, что не продали Евреи, всё, что не вкусили ни благородные, ни злодеи мира сего, всё, что вниманьем своим обошла и прókлятая любовь, и масс инфернальная честность, всё, что останется скрытым для времени и для науки.

Голоса, вновь обретшие силу; братское пробужденье всей мощи оркестра и хора и мгновенные их приложенья: возможность, которая второй раз не представится, освободить наши чувства.

Продаются бесценные Тела, ни к какой расе не относящиеся, не принадлежащие ни к какому миру, полу, линии рода! Сокровищ фонтаны на каждом шагу! Бесконтрольная распродажа алмазов!

Продаётся анархия – массам; высшим же ценителям чего бы то ни было – чувство глубочайшего удовлетворенья, которое никакими репрессиями подавить невозможно; правоверным и любовникам – жестокая смерть!

Продаются разрешенья на въезд и виды на жительство, спортивные состязанья, феерии и совершенный комфорт, шум и движение и то будущее, которое они создают! На продажу – бухгалтерские приложенья и неслыханные скачки гармонии! В немедленное владенье – находки и сроки поставок, о которых не подозревали,

Бесконечный, лишённый всякого смысла порыв к незримым великолепьям, к наслажденьям неосязаемым, – и для всякого порока пагубные порыва этого тайны, – и его восторг, толпу повергающий в ужас –

Продаются Тела, голоса, и никем не оспариваемое всеобщее изобилье, всё то, что никогда не продашь. Торговцы не кончили распродажу!
Коммивояжёрам ещё рано считать свой процент!

Fairy

Ради Елены слились взошедших орнаменты севов в сумерках девичьих и к юдоли сует равнодушные светочи в звёздном безмолвии .

Жар лета был птицам немым препоручен , а безучастность , приличий соблюдения ради , – бесценной ладье похоронной посредством уключин любовей , угасших навеки , ароматов едва различимых .

– В свой черёд дровосеков подруги свои арии спели в сопровожденьи ворчливом ручья , в руинах темнеющих леса , звякал скот бубенцами , с пастбищ гонимый под вечер эхом долин , степей остывающих криками . –

Ради детства Елены дрожь охватила меха и пугливые тени – и впавшую грудь бедняков , и неба легенды .

И очи её , и танец даже выше взорвавшихся самоцветами капель , выше влияний холодных , наслаждения выше единственными в своём роде декором и мигом .

Война

В детстве оптический механизм моих глаз сделался изошрённой от постоянного наблюдения за изменчивым разнообразием небес . Всех характеров черты добавили нюансов к моей физиономии . Ожили Феномены . Ныне мгновений вечная инфлексия и математическая бесконечность преследуют меня повсюду в этом мире , где я на себе ощущаю гражданского общества всевозможные успехи , где странное детство моё предо мною склоняет главу рядом с мимолётными , выходящими за привычные рамки , увлечениями . – Я грежу о Войне , мною развязанной , по праву или с позиции силы , по логике , которую невозможно предугадать .

Это так же просто , как музыкальная фраза .

Юность

I

Воскресенье

Расчёты в сторону , небес неизбежный десант , воспоминаний визит и ритмов сеанс заполняют обитель , голову и мир духа .

-Лошадь во весь дух несётся на скачках в предместье вдоль взошедших посевов и лесных насаждений ,пришпоренная карбонной чумою .
Вызывающая жалость героиня драмы томится где-то в этом мире ,
вздыхая по тем , кто оставлен был ею ко всеобщему удивленью .Те же ,
кому нечего терять , в изнеможеньи от пьянства и ран после грозы
пребывают . Малые дети тушат проклятий пожары вдоль рек .-

Вернёмся к занятиям под шум всепоглощающего творенья , массы
которого собираются и движутся вверх .

II

Сонет

Муж обыкновенной конституции , плоть не была ли плодом , висевшим в
саду , - о дети-дни ! тело - сокровищем , которое ещё только тратить и
тратить ; - о любить , гибель это или сила Психеи ? Плодоносящие
принцами и артистами склоны имела земля , а потомство и род толкали
нас к преступлениям и бедам : мир , ваше богатство и ваша погибель .
Но теперь , долгих трудов завершение , ты , расчёты твои , ты , твои
беспокойства - это лишь танец ваш и ваш голос , ничем не стеснённые и
совсем без нажима , хотя и с двойною развязкой инвенции и счастливой
концовки + мораль , - в ставшем братством притихшем человечестве во
вселенной без образов ; - сила и право отражают танец и голос , только
теперь оценённые .

III

Двадцать лет

Голоса дающих указания отправлены в ссылку ... Наивность тела ,
горестно обретшая зрелость ... Адажио - О ! бесконечный эгоизм
взросления , прилежный оптимизм : как много было в мире цветов этим
летом ! Арии и формы умирают ... - Хор , для того , чтобы стихли
бессилье и боль утраты ! Хор бокалов мелодий ночных ... В самом
деле , нервы вот-вот сорвутся с цепи .

IV

Ты всё ещё во власти Антониева искушения . Веры слепой на выгуле пёс
куцехвостый , гордыни ребячливой нервные тики , подавленность , страх . Но
ты всё-же возьмёшься за эту работу : все возможности гармонии и
архитектуры придут в движение вокруг престола твоего .

Совершенные созданья , возникшие неожиданно , сами предложат себя для
твоих опытов . Вокруг тебя грёз потоком будут нестись и любопытство
древних столпотворений , и летучая роскошь дворцов . Память твоя и
чувства твои станут лишь пищей для пульсирующей твоей
креативности . Что касается мира , что же с ним станет , когда ты
покинешь его ? Во всяком случае , ничего общего с нынешней видимой

сутью вещей .

Мыс

Заря золотая и дрожью охваченный вечер встречают наш бриг на просторе , супротив этой виллы с её пристройками , которые вместе образуют мыс , столь же протяжённый , как Эпир и Пелопонес , или Японии остров главнейший , или Аравия ! Капища , озарённые светом возвращения посланных в Дельфы процессий , без конца и без края глазам открываются виды берегов , укреплённых на случай войны современной наукой ; поныне чтимые дюны огненных цветов и былых вакханалий ; широкие Карфагена каналы и туманной Венеции дамбы ; мягкой извержения лавы разбуженной Этны и расщелины ледников , где в талой воде утопают цветы ; мраморные фонтаны , окруженные тополями Германии ; дивных парков склоны и склонённые кроны их японских деревьев ; округлые выступы фасадов Отель Руайяль и Гранд в Скарборо или в Бруклине ; их железных ветки дорог тянутся по бокам , прорезают насквозь , перекрывают в этом Отеле постройки , выбранные в истории из числа самых элегантных и колоссальных строений Италии , Америки , Азии , чьи окна и террасы , ныне наполнены светом , хмелем , ветрами цветущих равнин и открыты для путешественников и благородных фамилий , в дневные же часы позволяют всем тарантеллам прибрежных селений , и даже ритурнелям славных искусством долин чудесно украсить фасады Дворца-Мыса .

Сцены

Продолжают звучать Комедии древней аккорды и расходятся нити Идиллий её :

Бульвары подмостков .

Длинный пирс деревянный от края до края площадки камнями усеянной , по которой варваров движется скопище под ветвями дерев обнажённых .

В коридорах , затянутых чёрною марлей , следуя за теми , кто , – с фонарями и в уборах из листьев , – вышел здесь на прогулку .

Птицы мистерий садятся на камни понтона , колеблемого архипелагом , который усыпан весь лодками зрителей .

Лирические сцены под аккомпанемент барабана и флейты подготавливаются в укромных уголках расположенных под потолками вдоль стен современных клубных салонов или зал древнего Востока .

Феерия разворачивается на самом верху амфитеатра увенчанного леском низкорослым , – или модуляции свои производит перед вылупившимися

беотийцами под сенью дерев ветром волнуемых на рубеже полей
колосящихся .

Опера-комик распадается на части на нашей сцене там , где сходятся
десять перегородок сверкающей огнями галереи .

Исторический вечер

В какой бы вечерок не явился , к примеру , турист простодушный , от
ужасов наших экономических удалившийся , - мэтра рука душой наполняет
лугов клавесин ; в карты играют в глубине пруда , -зерцало , в котором
оживают королевы и фаворитки , святые девы , паруса и гармонии нити ,
и легенд хроматизмы -на закате .

Дрожь охватит его , когда мимо летучие орды и псовые своры
проносятся . На подмости газона стекает по каплям комедия . Бедняки и
слабаки в замешательстве , расставлены по-дурацки ! В своём видении
рабском Германия к лунам свои эшафоты возводит ; всполохи
озаряют пустыни тартаровы - восстания древних кишат в центре
Небесной Империи ; над лестницами и тронами королей , как из тумана
, восстать готовы Плоский мирок , Африка и Страны Закатные . Дальше
морей балет и ночи , -познавшие не имеющую значения химию , - и
мелодии странные .

Всё та же магия буржуазии во всех пунктах , куда карета почтовая нас ни
доставит ! Физик , с элементарнейшими явлениями имеющий дело , и тот
чувствует , что более невозможно себя подвергать воздействию этой
атмосферы наполненной личным , туману физически ощущаемых уколов
совести , которых обнаружение уже и есть злоключение .

Нет ! Будет вам банька , момент настал , - морей вздымленных , взрывов
подземных , к гибели уносимой планеты , и , как следствие , массовых
истреблений , о чем , -едва ли в этом следует искать какой-либо злой
умысел , - говорится и в Библии , и возвещают Норны , и будет дано
наблюдать со всею серьёзностью . - Однако , ожившей легендой это не
станет !

Bottom

Не взирая на то , что слишком уж острыми были шипы жестокой
реальности для моего благородного нрава , - я оказался-таки у Мадам ,
иссиня-серой огромною птицей взлетая к лепнинам потолка , крыло
волоча за собой в сумерках вечера .

Я стоял , - у подножия балдахина несущего шедевры телесных ея
совершенств и украшений обожаемых россыпи , - громадным медведем с
дёснами цвета фиалки и с шерстью , поседевшей от горя , с глазами ,
хрусталём и серебром консолей блестящими .

Всё стало тьма и аквариум пламенеющий .

Утром, – с июньской, исполненной баталий зарёй, – я убежал в поля, осёл, трубя и словно знаменем размахивая своєю обидою, покуда сабинянки предместья не стали бросаться на врата моей груди.

Н

В жесты Ортанс, в жестокие её мучения, грубо врываются уродств всевозможные проявления. Её уединение есть эротическая механика, бездействие её от слабости во всем теле – динамика влюблённости. Детством хранимая, была она, в различные эпохи, поколений гигиеною огненной. Дверь её открыта несчастьем. Там, современных существ мораль, цельность утратив, в её страдание или в её деяние переходит. – О, дрожь влюблённых неопытных на сочащейся кровью земле в излучающем свет водороде! найдите Ортанс.

Движение

Движение по извивам берега вблизи речных водопадов,
Бездна за кормой,
Стремительность спуска,
Огромный провал потока,
Ведут, – за невиданными дотолем светочами
И внедрёнными в химии инновациями, –
Путешественников
Окружённых смерчами долины
И стремнины.

Они суть завоеватели мира,
Персональную ищущие выгоду в том, что имеет отношение к химии;
Спорт и комфорт путешествуют с ними;
Они несут с собой на этот Корабль
Образование расам, классам и животным.
Покой и головокруженье
В свете диллювиальном,
Вечерами ученья, наводящими ужас.

Так как из говоренья накоротке среди приборов и инструментов, – кровь;

цветы , огонь , дорогие украшения -

Счетов переполох на борту этого беглеца-корабля ,

- Видно , как над гидравлической движущейся дорогой подобно дамбе катится

Их хранилище знаний , -

Отвращение вызывающее и самоё себя без конца освещающее ;

Они в экстаз гармонический загнанные ,

И героизм открытия .

Среди атмосферных явлений , вызывающих наибольшее изумление ,

Юная пара уединяется на ковчеге ,

- Прощена ли древнейшая дикость ?

И поют , и на новом месте располагаются .

Благоговение

Моей сестре Луизе Ванэн из Ворингема :- Её голубой чепчик к Северному морю обращённый .- За потерпевших кораблекрушения .

Моей сестре Леони Обуа из Ашби . Бау - Лета трава , смрадные источающая ароматы и насекомых жужжание .- За горячку матерей и детей .

Люлю , - падшему ангелу - сохранившему влечение к часовням времён Подруг и своего незаконченного образования . За мужчин ! Мадам *** .

Юноше , которым я был . Старику святому , молитв его уединённому месту или миссии .

Нищих духу . И высочайшему клиру .

А также всякому культу , - в таком памятном месте и среди таковых событий , - которому следовало бы служить , себя предавши во власть мгновенных ли устремлений или же греха , ведущего к гибели нашей .

Этим вечером , в Цирцето среди горных ледников , жиром сочась как рыба и раскрасневшаяся как десять месяцев в красном утопавшей ночи - (сердце её амбра и фитилёк , которому достаточно искры) , - за мою одинокую молитву , - немую , как эти пространства ночные , - за которой бравурные следуют всплески более неистовые , чем этот хаос полярный .

За любую цену и со всеми ветрами , хотя бы и в метафизических путешествиях .- Но не тогда же .

Демократия

«Знамя развеивается в скверне пребывающем пейзаже, а наш говорок заглушает барабан.

«Мы в крупных городах взлелеим в цинизме своём не знающую равных проституцию. Мы в крови потопим по логике вещей возникающие бунты.

«Странам, поражённым триппером и размякшим от пьянства! – на службу самым чудовищным поработеньям, промышленным и военным.

«До свиданья здесь, неважно где. У нас, записавшихся добровольно, будет зверская философия; несведующие в науке, развращённые в комфорте; чтоб ты окошел, грядущий мир. Это самый настоящий марш. Вперёд, дорогу!»

Гений

Он есть жар сердца и – миг сей, ибо возвёл дом свой, открытый извергающей пену зиме и шуму лета, – он тот, кто яства и питье очистил – кто есть шарм тающих за спиной местечек и сверхчеловеческий восторг станций железнодорожных. Он есть жар сердца и – миг грядущий, сила и любовь, которые мы, восставши среди вспышек ярости и бедствий, видим мимо летящими по небу грозовому в знамёнах экстаза.

Он есть любовь, совершеннейшая, вновь открытая мера, как волшебству возникший и врасплох застигший нас здравый смысл, и вечность: машина фатальными свойствами облюбованная. Мы все ужас почуяли от того, что в дар от него получили и что ему от себя передали: о, радость обладания (дарованным нам) здоровьем, взлёт способностей наших, эгоистичная привязанность и страсть (наша) к нему, – к тому, кто любит нас ради жизни вечной своей...

И мы вызываем его в памяти нашей, и он отправляется в путь... И когда Поклонение тает, звенит, звенит и его обещанье: «Прочь суеверия, эти ветхие тела, эти радости у камелька и эти века. Эпоха рухнула в бездну!»

Он не уйдёт, с неба не снизойдёт, до конца не дойдёт в искуплении приступов гнева жён, взрывов веселья мужей и всего греха сего: ибо свершилось сие при нём, возлюбленном.

О, его дуновенья, лики, направленья; ужас внушающая стремительность

совершенства форм и действия .

О , плодovitость разума и безмерность вселенной !

Тело его ! Долгожданное освобожденье , благодати крушенье с новым неистовством скрещённое !

Взор его , взор его ! Все бывшие коленопоклоненья и муки вознесённые ему вослед .

Заря его ! Звучных и волнуемых прекращенье страданий в музыке мощнейшего усиления .

Шаг его ! миграции более значительные , чем полчищ нашествия древних .

О , мы и он ! гордость более милостивая , чем утраченные благостыни .

О , мир ! и песнь светлая горестей новых !

Он всех нас узнал и всех нас возлюбил . Возможем и мы , этой зимней ночью , от мыса к мысу , от полюса открытого всем ветрам к замку , от столпотворения к взморью , от взглядов к взглядам , почти без сил и без чувств , окликнуть его и узреть и вновь от себя оттолкнуть и , под водами хлынувшими и с высоты снежных пустынь , следовать за его взорами , его дуновеньями , его телами , его светом .

2008-2012

Тексты Озарений : <http://www.mag4.net/Rimbaud/Poesie.html>